

Путешественник во времени

Сергей Ребцовский

Сергей Германович Ребцовский

Путешественник во времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70517008

SelfPub; 2024

Аннотация

Невероятная история, в которой настоящие персонажи. Открывается тайна о человеке, который перенёсся из 1809 года в 1979-й.

Сергей Ребцовский

Путешественник

во времени

У меня есть на севере Швеции приятель, назову его Л. Он живёт в городе Умео, по-шведски – *Umeå*. По скандинавским меркам город довольно-таки большой, считается, что сейчас там больше ста тысяч жителей. Так вот, совсем недавно приятель позвонил и рассказал мне невероятную историю. Впрочем, назвать это «невероятным» слишком мягко, это выглядит просто ошеломляюще, сенсационно.

Итак, Л. поведал, что не так давно получил письмо от одной пожилой женщины, которая... скончалась в конце 2021 года от последствий коронавируса. Она жила одна в небольшом домике в Умео. После её ухода вещи разобрали и обнаружили запечатанный конверт, на котором был указан получатель, а именно мой приятель Л. Однако адреса не было, в связи с чем письмо шло долго. Вскрыть конверт никто не решился, потому что на нём было указано, что вручить его лично Л., а для Швеции личная переписка чрезвычайно важная вещь, никто не станет заниматься вскрытием чужих писем. И вот именно из письма Л. узнал то, что волнующимся голосом передал мне.

Однако сначала, для лучшего понимания, необходимо

рассказать кое-что о самой старушке, поскольку это связано с последующим повествованием.

Анна – так её звали, – родилась в Ленинграде в начале 1930-х годов, пережила блокаду, потеряв всех родных. Она с отличием окончила филологический факультет института имени Герцена. Среди прочего изучила шведский язык и знала его блестяще. Этот навык не остался незамеченным государственными органами, и они неоднократно привлекали Анну в качестве переводчика. И вот так получилось, что в ноябре 1959 года Анну включили как переводчицу в состав официальной делегации Ленинграда в Стокгольм. Тогда же был визит военных в Швецию, а заодно и гражданские власти воспользовались случаем посетить за границу. Молодая девушка понравилась одному уже не очень молодому шведу, у них завязались отношения, мужчина сделал Анне предложение. И она, молодая и умная, решила согласиться. Через несколько лет супруг Анны вышел на пенсию, и они переселились в Умео, спокойный северный городок, где когда-то родился новоявленный шведский пенсионер. К сожалению, у Анны и её мужа детей не было, а с сыном мужа от первого брака, жившем в Стокгольме, Анна не смогла выстроить хорошие отношения (именно он и передал письмо L.) Так и жили двое супругов, наслаждаясь друг другом и спокойной атмосферой северной Швеции.

Когда L. был юношей, его мать наняла Анну в качестве репетитора для сына, чтобы он выучил русский язык. Мать

L. очень лояльно относилась к коммунистическим идеям и СССР, поэтому не мудрено, что Анна и шведская женщина сошлись и подружились (они были ровесницы), а L. не чувствовал себя посторонним в доме Анны. Когда не стало мужа Анны, эта дружба ещё более укрепилась.

Собственно, так продолжалось до самого последнего времени. Когда же пришла эпидемия коронавируса, Анна была вынужденно почти заперта у себя в доме. Она жаловалась, что тяжело переносит отшельничество. С лета 2021 года она смогла покинуть дом, но осенью того года заболела и не смогла противостоять болезни.

После этого предисловия можно обратиться к тому письму, которое получил L., и привести его русский перевод.

Письмо.

Дорогой L., надеюсь, у тебя всё хорошо. Мы о многом с тобой говорили и обсудили почти всё. Только одно, пожалуй, осталось несказанным с моей стороны. Это небольшой эпизод, и мне очень хотелось бы поведать о нём хоть когда-нибудь, но я не могла. Дело в том, что я дала подписку о неразглашении полиции, тому отделу, который сейчас называется СЭПО (1). Но теперь, как ты понимаешь, эта расписка уже не действует.

Хочу поведать тебе одну историю. Это случилось летом в 1979 году. Конечно, за сорок лет, которые прошли с тех пор, кое-что улетучилось из моей памяти, но многое сохранилось. К тому же, как женщине что-то, вполне возможно,

могло сильнее запечатлеться в моей голове, а что-то, вероятно, никак не отложилось и быстро выветрилось из памяти. Почему-то мне кажется, что тебе эта история может быть интересна. А если нет, просто вспомни обо мне, читая письмо, и выбрось его. Однако, в этот самый момент, когда я пишу его, мне уже легче, я чувствую, что высказалась, и душевное свербение о нерасказанном утихло.

Так вот, я забыла точную дату начала событий, но помню, что это был понедельник сразу после Мидсоммара (2). Ночью я спокойно спала дома и не сразу разобрала, что в дверь звонят. Тогда ведь было светло, как днём, и солнце уже ярко светило, хотя часы показывали около трех ночи. Оказалось, на пороге стоят двое полицейских. Причём, одного из них я знала лично – он сын одной женщины, с которой мы встречались иногда в магазине. Я открыла им и смотрела на них, наверное, очень удивлёнными глазами. Полицейские извинились и попросили помощи: в городской больнице (3) срочно понадобился переводчик русского языка. А о том, что я русская, никакого секрета не было. Первое, что пришло мне в голову, что какому-то русскому потребовалась медицинская помощь, и меня просят оказать содействие. Конечно, я быстро собралась, и уже через несколько минут мы входили в больницу. Пока мы ехали, яркое и низкое солнце создавало волшебную картинку, я так и не смогла окончательно проснуться, поэтому порою мне кажется (хотя, конечно же, это не так), что всё случившееся просто давний дивный сон.

Интересно, что мы зашли не в новое здание, а в старое, всем нам известный «жёлтый дом». По гулкому коридору меня провели в комнату, где находилось ещё два полицейских, дежурный доктор, сидевшие на стульях, и ещё один человек на кушетке, очень странный. Я быстро поздоровалась с полицейскими и доктором, хотя мой взгляд приковался к «странному». В ответ на моё приветствие он промолчал, и у меня мелькнула догадка, что он и есть тот самый русский, для объяснения с которым меня и попросили о содействии. Он сидел на кушетке, часто дышал, глотал слюну, озирался, смотрел на меня большими глазами. Наверное, можно было дать ему лет тридцать, но коротко остриженные волосы и пробивающаяся щетина сильно искажали понимание, впалые щёки на загорелом морщинистом лице, сам высокий, худой. Он был одет не менее странно: какие-то разорванные зелёные одежды, очень напоминающие форменное обмундирование. Его вполне можно было принять за сотрудника лесничества Вестерботтена, который заблудился в лесу (если такое возможно).

«Итак, что случилось? Чем я могу помочь?» – обратилась я с вопросом к доктору. Он вздохнул, сморщился и рассказал, что пару часов назад в дверь больницы постучал человек, доктор указал на странного. Человек именно постучал, хотя у двери есть звонок. Доктор посчитал, что человеку нужна помощь, однако объяснить никак не мог. Общий вид «странного» говорил, скорее, о сильном психиче-

ском расстройстве. Человек был проведён внутрь больницы, однако понять его было совершенно невозможно, кроме одного слова: «русский». Поведение посетителя вызвало опасение у доктора: человек временами вскрикивал, неадекватно реагировал. Поэтому доктор вызвал полицию, а уж те решили пригласить меня, чтобы наконец понять незнакомца.

Я спокойно ответила доктору: «Ага, поняла. Попробуем». Тут же я повернулась к «странному» и спросила его по-русски: «Вы русский?» Он мгновенно вскочил с кушетки, тут же напряжённо вскочили полицейские и доктор. «Да, так, ой-ой-ой!» – запричитал незнакомец и всем телом задвигался. Только тут я заметила, что у него на руках наручники. Я попросила его успокоиться и сесть, указав на кушетку. Мне показалось, что он не сразу понял, что я говорю. И вообще, во время наших диалогов у меня не переставало возникать ощущение, что мои слова доходят до него не сразу, а как будто ему требуется время на осмысление. Да и чего греха таить, его слова тоже доходили до меня с задержкой, порой наступали моменты, когда я могла разобрать его мысль только интуитивно. Размышляя об этом много позднее, я пришла к выводу, что моя речь соответствовала XX веку, и его слова, построение предложений, логика высказываний – и много чего ещё не отвечали тенденциям конца двадцатого столетия. Конечно, как филолог я могла бы написать научную статью на эту тему, уверена, эта была бы сенсация в филологическом мире, но... опять же подписка о неразглашении, ко-

торая закрыла передо мной такую прекрасную возможность. Впрочем, тебе может быть интересно другое и на этом я попробую сосредоточиться.

Если сказать коротко, то такого изумления, удивления от нашего диалога я не испытывала ни до, ни после него! Да и с чем можно было бы сравнить невероятность, без преувеличения фантастичность, даже невозможность истории, которую поведал мне тот самый человек. Даже теперь, спустя столь продолжительный промежуток времени, я эмоционально возбуждаюсь, вспоминая те моменты! Даже сейчас мне не так просто верно и последовательно рассказать всё, чтобы тебе стало понятно. Так что, извини, если что-то будет выглядеть не очень логичным. Да и вообще, как можно логично поведать о том, что по сути своей является абсолютно нелогичным, противоречащим не только здравому смыслу, но и физическим законам?!

Итак, к нашему диалогу со «странным русским».

Когда он ещё стоял, напряжённо глядя на меня, как на мессию, я представилась и сказала, что переведу всё, что он говорит. Попросила и его представиться, назвать себя, его адрес, как он тут оказался, зачем обратился в больницу.

Вот переложение его слов. Его зовут Степан, и он солдат Двадцать шестого Егерского полка его императорского величества Александра, командир полка – генерал-майор Эрик-сон Иван Матвеевич. Самому Степану двадцать пять лет. От этих слов у меня в голове возникла чехарда, и я с первых

секунд решила, что он настоящий сумасшедший и его правильно поместили в больницу.

Моя мысль не дала мне осознать ещё какие-то факты о подразделении, его командире и прочем, которые он называл. Русский замолк, я стояла в оцепенении, и меня спросил доктор о переводе. Я не нашлась, что ему ответить, только невнятно крутила головой, переводя взгляд с одного шведа на другого, словно ища помощи, но встречала в ответ только изумлённо-вопросительные взгляды.

Почувствовав себя не очень хорошо, я попросила открыть окно. Вдруг через открытое окно послышался звук автомобиля, проезжавшего по улице тем ранним утром мимо дома. Мы, то есть шведы и я, никак не отреагировали на это – привычное дело. А вот «странный человек» весь съёжился, замотал головой и снова стал непонятно дергать всем телом, глядя на меня во все глаза, как на спасительницу, и стал креститься как мог руками в наручниках. Но главное, на что я обратила внимание, он крестился по православному. Впервые у меня пробежало сочувствие к этому бедному человеку.

Посидев за столом некоторое время, я поняла, что так или иначе должна буду сделать перевод. Тогда я всё перевела на шведский. К моему удивлению, это сообщение почти не вызвало заметной реакции ни полицейских, ни доктора. Полицейские пошептались, и один из них вышел из комнаты, а доктор, постучав пальцами по столу, со словами: «Наш пациент, пойду начну оформлять документы на приём», – по-

следовал за полицейским.

Что-то подсказало мне, что нужно продолжать спрашивать «солдата» и записать всё, что он говорит, чтобы не забыть и полнее и точнее перевести. Попросив бумагу, я села за стол и начала «допрос» этого непонятного человека. К моему сожалению, все мои записи были изъяты полицией, и мне нечего прикрепить и нечем уточнить эти свои слова.

Для начала я попросила «солдата» снова повторить сказанное, что он и сделал более уверенно. Я записала по-русски, чтобы шведы раньше времени не смогли ничего понять, иначе это могло бы нарушить всё.

С его слов выходило, что сейчас... май 1809 года. Он в составе своего боевого подразделения находился в «Шведском королевстве», потому что шла война. Накануне было 22 мая (я думаю, что солдат использовал русское старое летоисчисление) вместе с подполковником Крапенковым (я могу путать фамилии – много времени прошло) Степана отправили в обход по дремучему лесу. К лесам ему не привыкать, но тот был лес незнакомый. Шли по узенькой тропке. Вечером на землю опустился сильный туман, «так что ни зги не видать». Идти приходилось тихо, чтобы никакой шорох не выдал их противнику. И вдруг Степан понял, что отбил. Кричать-то нельзя – «острого запретили», ничего в тишине не слышал. А тут ещё туман светом как-то переливался, Степан подумал, что это ночное солнце выбиралось из-за облаков, светило на ели и сосны, и они отдавали странным зелёным от-

светом. Он нащупал сухое место возле ели и расположился на нём, считая, что безопаснее переждать. Прислонившись спиной к дереву, усталый, неожиданно для самого себя, заснул.

Проснулся, сидя так же под ёлкой. Прислушался – ничего. Попробовал разглядеть тропку и собственные следы – ничего не нашёл. Конечно, он заметил, с какой стороны шёл, и попробовал двинуться в том направлении, куда шли его товарищи. Странно, но никаких следов не видел. Так он шёл долго, пока не вышел к реке. Теперь он точно уверился, что блуждает и его цель – найти людей. Он двинулся вниз по течению, полагая, что где-то должно быть поселение. И такие поселения он нашёл, но от этого пришёл в ужас.

Прежде всего, он понял, что находится где-то в шведском тылу, и никаких признаков русских полков нет. Но он знал, что в этой местности живут спокойный люди и не боялся обратиться к ним – а там как повезёт. Но не это привело его в замешательство. Всё вокруг было странным и пугающим: дома, которые он видел – в них светились огоньки, люди в необычной одежде, вульгарно, в штаны, одетые женщины. Он боялся странных «шумных самодвижущихся лафетов с дымом» (думаю, он имел ввиду автомобили). Когда над ним пролетали «огромные серые птицы с грохотом», он просто прятался в кусты. Степану показалось, что он погиб и попал в ад. Правда, временами его мнение менялось на то, что он попал в рай, а потом – что он на «том свете» и с ним решают,

как быть и куда отправить на место постоянной дислокации: в рай или в ад. С таким настроением он продолжал идти.

За всё время он ничего не ел, к ночи голод усилился, и тогда Степан решил пробраться ближе к домам, чтобы стащить что-нибудь съестное. Ночью было светло как днём, и он пробирался мимо городских строений. Вдруг он заметил, как из одного дома вышел на крыльцо человек в белом халате: он стоял и курил. Степан решил, что это лазарет и, надеясь, что уж оттуда-то его не выгонят, постучал в дверь.

Когда в комнату вернулся доктор с бумагами, я передала ему, что Степан голоден, и попросила его покормить. Доктор вздохнул и, как я поняла, довольно нехотя исполнил мою просьбу, принеся пару сэндвичей и воду. Степан набросился на еду.

После пищи я сразу заметила, что он стал спокойнее и попросил меня сказать, куда же он попал. Тут передо мной встала новая дилемма: врать или сказать правду. Я решила не кривить душой и рассказала ему, что он в 1979 году, в Швеции. Реакция Степана была такой: он завыл, замотал головой и стал бить себя по лбу, из глаз хлынули слёзы, а он повторял: «Нет, нет, то я просто сплю». Но мне было прекрасно известно: это был не сон, а самая настоящая явь.

Вскоре в комнату в сопровождении нового полицейского в форме вошёл человек в гражданском костюме. Я догадалась, что он представитель специального отделения полиции. Я перевела ему всё, что узнала от Степана. Человек в

костюме попросил узнать детали о месте рождения Степана и каким образом он очутился на территории Швеции.

Вероятно, продолжая видеть во мне единственного своего спасителя, Степан без лишних уговоров поведал мне историю своей жизни, она оказалась не очень-то обширной. Он происходил из Полоцкой губернии, жил с родителями, двумя сестрами на отшибе у деревни Пестово, поэтому его прозывают Степан Пестовский, там всех так зовут, сказал он. Отец научил заниматься охотой и рыбалкой. Глаз хороший, хвастанул Степан, но это-то и сыграло с ним злую шутку. Когда пришло время набирать в рекруты, его забрали в армию и определили в Егерский полк, сначала в один, а уж потом он оказался в Двадцать шестом. И вот служит он с 1806 года. Когда началась война со Швецией, Степан попал со своим полком в этот самый район, в «Вестер-Ботнию» (4).

Собственно, на этом наш разговор со Степаном, который я передала спецполицейскому, закончился. Меня поблагодарили и отвезли домой. Только могла ли я прийти в себя после этого? Конечно, нет. Весь день мысли были только о случившемся. Размышления и догадки терзали меня, очень уж хотелось узнать, каким образом разрешилась эта загадка. Ждать пришлось совсем недолго. После обеда ко мне вновь объявились гости: полиция, и меня снова привезли к больнице, где я опять увидела Степана. Правда, он был уже другой – переодет в... смирительную рубашку. Мне стало жаль его. А если всё, что он говорит – правда? Такое вот невероятное

происшествие случилось с бедным человеком, и вот он один, даже не знающий языка, в чужой стране, в чужом... веке!

Рядом со Степаном в комнате находились двое полицейских в форме и двое в штатском. Один из них, которого я прежде не видела, попросил ещё раз задать вопрос Степану о происхождении. Я это сделала, и он повторил свой ответ в точности, как в первый раз. После этого меня снова отвезли домой. Моя следующая ночь прошла почти без сна, и всё из-за бури мыслей по поводу этой удивительной встречи.

Следующим днём под вечер ко мне домой пришёл тот человек, в штатском, который был накануне в комнате. Представившись, он сообщил, что работает в отделе национальной безопасности. Он был не многословен, попросил никому никогда не говорить о случившемся, учитывая сложность и важность случая. Слухи-де могут развить историю в крайне неблагоприятном ключе для Швеции и вообще для всего мира. Тогда же он отобрал у меня обязательство о неразглашении, которому я следую и по сей день. Когда он уже уходил и стоял на пороге, понимая, что другого случая мне не представится, я осмелилась задать ему вопрос, что же это всё такое? Он обернулся, внимательно посмотрел мне в глаза и сказал, что никогда с таким случаем не встречался. «Русский не больной. Психиатры проверили. На русского шпиона он не похож. Я шпионов насмотрелся», – лаконично ответил он: «Моё личное мнение, что человек не лжёт, но то, что он говорит – невозможно». После этих слов он попрощался.

С тех пор я не видела ни его, ни Степана. В течение последующих нескольких лет я видела в городе доктора и полицейских, с которыми сводила меня судьба в тот день, но они делали вид, что не знают меня, и я приняла эти правила игры.

Обязательство, которое я дала, не разрешало мне распространяться о событии, но оно не запрещало мне попробовать доискаться истины самостоятельно. Так и я поступила. Приехав на родину, я была в Ленинграде и Москве, искала в разных архивах информацию, чтобы каким-нибудь образом подтвердить или опровергнуть слова Степана. И могу сказать тебе одно: его слова совпадают с тем, что указано в исторических источниках. Поэтому я пришла к выводу, и уверена в нём на 99 процентов, что Степан – настоящий «путешественник во времени»! Пусть это звучит не правдоподобно, но другого объяснения я не нашла

Моё письмо заканчивается. Поступай, как знаешь. Поверь, сейчас мне приятно, что я смогла передать беспокоившую меня тайну тебе – и это для меня уже хорошо.

Примечания автора:

1 – *SÄPO*; аббревиатура от *Säkerhetspolisen* – Служба государственной безопасности [Швеции](#).

2 – Мидсоммар – шведский праздник середины лета, суббота между 20 и 26 июня.

3 – больница Умео находится недалеко от реки.

4 – так именовался Вестерботтен в XIX веке в России.